

В субботний вечер Лукич явился в школу на суточное дежурство. Должность сторожа в единственном учебном заведении крошечного районного городка не предполагала особой ответственности. Красть в школе, кроме старых парт, мелков и коллекции пожелтевших картинок со сценами жизни древних животных, было абсолютно нечего. Но только не в предстоящую ночь. Ночь будет последней перед важным событием – выборами. И значит, – особой. И уж тройне особой она будет для Лукича. Во-первых, он будет охранять покой не просто в школе, а в главном и, между прочим, единственном городском избирательном участке. А во-вторых, под его персональной опекой окажется святая святых – избирательная урна. Сам мэр города Андроний Всеславович Столетов передал урну Лукичу, похлопал его по плечу, пожал руку и строго напутствовал:

– Лукич, с урны глаз не своди, на пушечный выстрел никого к ней не подпускай. В твоих руках судьба демократии.

– Не сомневайтесь, Андроний Всеславович, не провороним. Не в первый раз.

Лукич был настроен серьёзно. Он понимал значимость момента, и слова государева человека глубоко запали в его стариковскую душу.

К восьми часам вечера учителя под руководством директора и завхоза, завершив превращение спортзала в зал для голосования, разошлись по домам. Лукич запер за ними дверь и остался в школе один.

Потушив в коридорах и в зале свет, Лукич прошёл в кабинет директора и степенно уселся рядом с урной. Стеречь доверенную драгоценность приходилось не в привычной подсобке – во всей школе только на окне директорского кабинета имелась железная решётка.

На улице меж тем установилась совершеннейшая ночь. Чтобы не привлекать к себе ненужного внимания посторонних лиц, Лукич соблюдал све-

томаскировку. Впрочем, дежурство в темноте было для него обычным делом. Искусственный электрический свет он не любил. А зажигать живой огонь в деревянных стенах старой школы категорически запрещалось.

В вечернее и ночное время каждые два-три часа Лукич устраивал обходы по вверенному его заботам объекту. Проверял двери, окна, классы, актовый зал и столовую. Но как совершать обходы в эту ночь? Урну без присмотра не бросишь. А таскать за собой по всей школе такую обузу тяжело. Что делать? Как быть?

Лукич задумался. Но мысли его постепенно перешли с этих маленьких, но не решённых вопросов настоящего на прошлое. По стариковской привычке, конечно. С чего бы ещё? Минуты ползли медленно, как улитки. Было темно, тепло и тихо-тихо...

Неожиданно прямо под носом сторожа громко и как-то очень подозрительно заскрипела половица. Лукич вздрогнул, открыл глаза. И что бы вы думали, он увидел? В тусклом свете заглядывающей в окошко луны какой-то лохматый тип склонился над урной и самым наглым образом пытался засунуть в неё толстенную пачку избирательных бюллетеней.

— Ах ты ж! — воскликнул Лукич, вскочил на ноги и хватил кулаком по спине наглого фальсификатора.

Лохматый взвыл и, рассыпав по полу поддельные бюллетени, кинулся наутёк. Перед тем, как его фигура скрылась во мраке коридора, Лукичу показалось, что сзади у него болтается длинный хвост. Но, конечно же, не сам хвост смутил задремавшего сторожа, а его обладатель.

— Вот ведь пакость, — недовольно бурчал Лукич. — И как этот злыдень сюда забрался. Должно быть, с чёрного хода дверь ножовкой подпилит. Слабая там дверь. Но погоди. Сей же час поймаю тебя и сотру в котлету.

Лукич двинулся следом за лохматым налётчиком. Но остановился. Урна! Оставь её тут без надзора — тут же стянут или напихают в неё чёрт знает какого мусора. Придётся брать её с собой. Лукич согнул спину колесом, перехватил урну поперёк левой рукой и, изловчившись, одним рывком оторвал её от пола. Как будто не тяжела. Даже наоборот, бодрости придаёт.

Лукич осторожно выглянул из кабинета директора, огляделся, вышел и аккуратно запер за собою дверь. Коридор был пуст. Хотя в ночном мраке и видно было всего шагов на пять, в какую ни возьми сторону.

Где-то в дальнем краю мелькнул тусклый огонёк. Послышалась чья-то шаркающая поступь. Лукич присмотрелся, прислушался. Через минуту из темноты показался невысокий дядька. Освещая себе дорогу горящей свечой, он шёл прямо на Лукича. Сторож внимательно оглядел незнакомца и пришёл к заключению, что этот совсем не тот, что над урной колдовал и получил кулаком промеж лопаток. Тот был высокий, худой и какой-то шальный. А этот, наоборот, — низенький, толстенький, одет в аккуратный стеганный ватник с кошачьим воротником. А на ноги бос.

— Эй ты, — окликнул низенького Лукич, — зачем огнём балуешь? Инструкцию, что ли, не читал? Погаси свечу немедленно.

Низенький спорить не стал. Тут же задул свечу и, помусолив фитиль слюнявыми пальцами, сунул её в карман. Подойдя к Лукичу вплотную, он в свою очередь внимательно оглядел его и недовольно произнёс:

— А что это вы тут делаете, да ещё с избирательной урной? Выборы-то с минуты на минуту начнутся. Будьте добры, проследуйте в актовый зал.

— Неужели я выборы проспал, — хлопнул себя по лбу Лукич, — вот незадача.

Он пошёл следом за низеньким.

— А почему в актовый? — вдруг спросил он. — Ведь выборы в спортзале состоятся.

— В актовом пока проходит встреча кандидатов с избирателями, то есть с нами. Прибавьте шагу, не то опоздаем.

— Ух ты! — воскликнул Лукич и покрепче прижал к себе заветную урну. — Это в нашу-то глушь кандидаты пожаловали. А что, один кто-то или всем скопом?

— А чему тут удивляться, — через плечо бросил низенький, — голоса-то всем нужны. Об этом и в газетах писали, и по телевиденью тоже.

В коридоре как будто немного посветлело. Лукич стал замечать, что в одном с ними направлении движется достаточно много разношёрстной публики. Виднелись и мужские лица, и женские, и молодые, и старые.

В актовом зале Лукич и его низенький знакомый заняли два последних свободных места. Так что те, кто прибыл следом за ними, рассаживались кто на подоконники, а кто прямо на пол. Аккуратно положив себе на колени урну, Лукич осмотрелся по сторонам. Никого из присутствующих он не узнавал, хотя прежде мог поклясться, что знает всех своих земляков в лицо.

Собравшееся общество производило впечатление неухоженности и растрёпанности. Одежки у большинства были пошты из старых драных рогож и овчин. Однако кое-где виднелись и довольно приличные костюмы и шубы, а в одном месте торчал даже какой-то старомодный ревенгот изумрудной масти.

— Это ж кто такие? — удивлённо спросил Лукич. — Вместе с кандидатами, что ль, приехали?

— Все до единого тутoshние, — мотнул головой низенький, — вон домовые с кикиморами, вон банники, вон лешие, водяные, луговые, ну и прочие все. А ты-то сам, школьный, что ли?

— Вроде того, — поскрёб затылок Лукич, дивясь про себя, как это он так запросто попал в разряд школьных духов, о существовании которых, надо заметить, отродясь не слыхивал.

Тем временем из-за шторы на невысокую сцену один за другим вышли три кандидата и сразу же уселись за стол. Лукич заметил, что сидели они как-

то странно, пряча за фасад покрытого широкой скатертью стола и руки, и большую часть своих тел. Всеобщему обозрению были открыты только их головы, шеи, перевязанные разноцветными галстуками, и верхние части плеч.

Щурясь и напрягая уже давно потерявшее свою остроту зрение, Лукич принялся рассматривать физиономии кандидатов. Но тут один из них, тот, что сидел по центру, разинул громадных размеров пасть и гаркнул, как из пушки стрельнул:

— Кончай базар!

Разнокалиберный гомон в зале прекратился. А кандидат продолжил:

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы всенародным тайным голосованием выбрать лидера всех домовых, дворовых и прочей, тьфу, нечисти.

Кандидат говорил, словно поленья колуном сёк:

— Тёмные времена, когда вами правил этот, как его...

— Змей Горыныч, — пискнул кто-то из зала.

— Да, Змей Горыныч, давно прошли. Теперь времена новые. Вы сами будете выбирать меня...

— Или меня, — подал голос другой кандидат, тот, что сидел справа.

— Да, или его, или вон его, — сидящий по центру по очереди кивнул на двух своих соседей. — Я лично обещаю вам ежедневную сытость.

— А я упитанность! — выкрикнул кандидат, тот, что справа.

— А я бодрость! — не отставал тот, что слева.

— Да, он бодрость, — рыкнул кандидат, сидевший посередине. — А ещё я покрашу все ваши заборы красивой жёлтой краской. А на каждом вашем столбе повешу по покойнику, то есть, тьфу, повешу по фонарю, чтобы вы по ночам своими ногами за кочки не цеплялись.

— Простите, — раздался из зала чей-то голос, — меня, как представителя независимой лиги свободных водяных и болотных, волнует следующий аспект: в зоне нашего обитания нет ни заборов, ни столбов. Какая, простите, от ваших реформ будет для нас польза?

— Я тебе, зелёная гнида, слова не давал, — клацнул зубами кандидат, тот, что по центру.

А который слева добавил:

— Таких, как ты, в клозетах топить надо.

По залу прокатился смешок. Шутка заключалась в том, что поди — попробуй утопить водяного.

— Куда Ваньку-Дурака дели!? — раздался чей-то приглушённый возглас.

В зале тут же повисла мёртвая тишина. А все три кандидата заволновались и чуть не хором принялись голосить:

— Это кто сказал!? Я спрашиваю: это чья поганая глотка про Ваньку-Дурака твякнула!? А-а-а!?

Никто не признавался. Тогда кандидат, тот, что по центру, сделал знак двум своим конкурентам замолчать и продолжил в одиночку:

— Тысячу раз повторял вам, бараны, — Ванька — наймит, проклятый популист и просто собака. Кроме того, он не собрал нужного количества подписей и не может считаться кандидатом в лидеры вашего пёсего стада. Здесь всего три кандидата — это я!!!

Последние слова вновь были произнесены хором.

— Короче, сейчас все организованно отрывают свои зады от кресел и идут в спортзал для голосования.

— А куда голосовать будете? — воскликнул вдруг низенький знакомый Лукича. — Ведь урна для голосования здесь, у нашего школьного коллеги.

Все повернули головы в сторону Лукича. А кандидаты смутились и о чём-то зашептались меж собой.

Лукич, слегка оробев от всеобщего внимания, поднялся.

— Это ничего, граждане, что урна у меня. Урна, она ведь того, для голосования и предназначена. Я, то есть, сей же час в спортзал вместе с вами отправлюсь и урну для вашего волеизъявления предоставлю.

Следом за Лукичом все начали подниматься со своих мест. И тут Лукич заметил, что один из избирателей направляется не к выходу из актового зала, а к сцене, к столу с сидящими за ним кандидатами. Лукич пригляделся и узнал в нём того самого лохматого, который с час тому назад пытался накормить фальшивыми бюллетенями его урну. Точно, это был он. И хвост сзади всё так же болтается. Лисий такой, пушистый хвост.

Лохматый подобострастно склонился перед компанией кандидатов и о чём-то быстро стал докладывать им, то и дело оглядываясь на застывшего в центре зала Лукича и указывая на него пальцем. Кандидаты не дослушали доклад лохматого. Один из них вдруг ухватил его зубами за шиворот. Да, да, не рукой, а именно зубами. А второй, что-то коротко рыкнув, так боднул своей широкой головой, что агент-неудачник кубарем покатился со сцены в зал.

Кандидаты чинно поднялись и тут же скрылись в глубине сцены за шторами. Актовый зал тем временем совсем опустел. Почти все избиратели покинули его, с тем чтобы перейти в спортзал для голосования. Остались лишь Лукич и лохматый.

Агент Горыныча, потирая разбитый лоб, на цыпочках подбежал к Лукичу и, остановившись от него на довольно приличном расстоянии, промямлил:

— С вами говорить хотят. Пожалуйте на сцену, за портьеру.

— Как дам сейчас! — замахнулся на него Лукич, но, видя плачевное состояние лохматого, ни тузить его, ни угрожать больше не стал.

А, крепко прижимая к себе урну, последовал на сцену.

В небольшом закутке среди складок занавеса Лукича поджидали кандидаты — все трое.

— Что хочешь за урну? — без церемоний спросил тот, который за столом сидел по центру.

Он и сейчас в компании двух своих конкурентов продолжал занимать центральное положение.

Лукич не спешил с ответом. При ближайшем рассмотрении кандидаты показались ему особо чудными. Густые длинные шевелюры на их головах сильно смахивали на парики. Бороды и усы тоже были явно накладными. Физиономии покрывал такой толстый слой крема и румян, какой постеснялась бы намазать на себя самая последняя гулящая девка. Но главная особенность, или скорее уродство, кандидатов было не в этом, а в том, что у них не было ног. Скрытые под пиджаками тела оканчивались толстыми змееподобными хвостами, такими длинными, что концы их терялись под тяжёлой тканью портьер.

— Так что хочешь за урну? — нетерпеливо повторил кандидат.

— А у тебя есть что предложить? — вопросом на вопрос ответил Лукич.

— Много! — рявкнул кандидат и тут же ощутил у своего носа тяжёлый кукиш Лукича.

— Это бунт, коллеги, — потерянно просипел кандидат тот, что справа, и вдруг мёртвой бульдожьей хваткой впелся в руку Лукича.

Остальные атаковали его с другой стороны. Урну Лукич, конечно, выпустил, но только для того, чтобы освободившейся рукой отоварить распоясавшихся кандидатов такими кренделями, чтоб им вовек сладкого не хотелось. Хоть и был Лукич стар, но ещё крепок. Управившись с троицей, он обнаружил ещё одно их уродство. Во время драки с левого кандидата был сорван пиджак. Под ним не оказалось ни туловища, ни рук, а продолжение всё того же хвоста. Головы кандидатов держались непосредственно на хвостах. А иллюзия полноты тел придавалась тряпьем, набитым под пиджаки и напиханным в рукава.

И тут страшное подозрение закралось в сознание Лукича. Пока кандидаты охали и прикладывали разбитые носы к холодному полу, Лукич быстро зашёл к ним в тыл и приподнял край занавеса, прикрывающего их хвосты. Но никаких хвостов там не оказалось. За занавесом находилось одно общее для трёх кандидатов тело размерами и формой напоминающее упитанного хряка. Тело было облачено в богатую соболью шубу. Хвосты оказались никакими не хвостами, а шеями, произрастающими из широких жирных плеч.

— Так я и думал! — воскликнул Лукич. — Змей Горыныч, если не ошибаюсь.

— Ну, предположим, Горыныч, — хмуро бросил разоблачённый Змей. — Что дальше?

— А то, — поучительно произнёс Лукич, — что один гражданин под тремя фамилиями в выборах участвовать не может. Это прямое нарушение выборного законодательства.

— В самом деле? — издевательски заржал Змей. — Вот удивил.

Лукич хотел было усостестить мерзавца, но рассудив, что затея эта совершенно бесполезная, спросил у него:

— Зачем тебе этот цирк нужен, с выборами? Правил бы ты по-прежнему, как и сто, и двести лет назад.

— Хе-хе-хе, — захихикал Горыныч, — ошибся ты и сразу два раза. Двести и даже сто лет назад правил не я, а мой папаша, который недавно благополучно почил. А ещё, понимаешь, времена изменились. Раньше в каждом уважающем себя крае монарх был, а теперь демократия. Без этой демократии с тобой и разговаривать никто не станет, — Змей вздохнул, — приходится следовать духу времени.

— Так ты наследник — Горыныч второй?

— Нет, не наследник, — поправил Лукича Змей, — преемник. Слушай, мой лохматый помощник дураком оказался. Я ему приказал урну по-тихому сюда принести, а он прямо в кабинете директора начал в неё бумаги засовывать. Отдал бы ты мне урну сейчас, а? Тем остолопам волю дай — они так наголосуют, что потом семерым не расхлебать.

— Не-е-ет, — покачал головой Лукич, — мне Андроний Всеславович велел урну никому до выборов не давать.

— Что ж, ладно, — сник Змей. — А я ведь тебя ещё в актовом зале распознал. Ведь никакой ты не школьный дух. Ты человек! Вот ты кто! Теперь ты в школе сторожем работаешь, а прежде учителем рисования и труда был. Так ведь?

— Так, — кивнул Лукич.

— Ты ведь живность всякую рисовать любишь, — хитро прищурился Горыныч, — птичек там всяких, зверьков.

Видя, что Лукич не противоречит, Змей продолжил:

— А хочешь, я тебе такого зверя подарю, какого ни у кого нет, и какого никто не выдывал. Череп папаши моего.

— Что ты, не надо, — замахал рукою Лукич, — прах усопшего...

Горыныч поморщился.

— Папаша мой, честно говоря, был откровенная скотина. Напивался до зелёных чертей. И в пьяном виде меня — своего единственного сына и преемника — пребольно избивал палкой. Так что мне его костей несколько не жалко. Тем более что тебе я подарю всего один череп, а у меня ещё два останутся.

— Но урну я тебе всё равно не отдам, — подумав, сказал Лукич.

— Я понял, — обречённо вздохнул Змей.

Он повернулся и затопал вглубь сцены на своих коротеньких когтистых лапах. Но не прошло и пяти минут, как Горыныч появился вновь и сунул в свободную от урны руку Лукича череп своего папаши. Мёртвая голова Горыныча-старшего была лобаста, зубаста, рогата и тяжела — полпуда, не меньше.

— Заверни, — следом за головой Горыныч протянул Лукичу кусок старой ветоши.

Обмотав череп тряпкой, Лукич вспомнил о времени и извлёк из кармана старые часы.

– Боже мой, – воскликнул школьный сторож, – времени без четверти девять! Выборы в восемь начались. А я до сих пор с тобою ласы точу.

Старик прижал к одному боку урну, к другому – свёрток с мёртвой головой и решительно пошёл прочь со сцены.

Не сдаваясь, Горыныч засеменил следом. Отведав кулаков Лукича, он больше не решался нападать на человека, а только просил:

– Ну отдай, ну, пожалуйста. Ты не представляешь, что будет, если пустить дело на самотёк – анархия, бунт кровавый и бессмысленный. Отдай.

– Но-но, – Лукич резко пресёк все увещания Змея, – ты моим сознанием манипулировать прекращай. Я тебе не леший какой-нибудь.

Горыныч отступил.

– Как знаешь, – бросил он Лукичу, – за последствия сам отвечать будешь.

Без происшествий одолев половину школьного коридора и лесенку в десять ступеней, Лукич вошёл в спортзал. И что же он увидел? Всё кругом было плотно заполнено избирателями – теми самыми домовыми, дворовыми и лешими. Все они слушали оратора, который, взгромоздившись на груды матов у входа в раздевалку, кричал отрывисто и зло:

– Граждане избиратели!!! Свобода в опасности!!! Проклятый выкормыш Горыныча хочет сорвать наши выборы! Он обескровил нашу молодую демократию! Он украл урну для голосования!

По толпе раскатистым эхом прокатился тяжёлый вздох.

Лукич встал на цыпочки, вытянул шею и поверх чужих голов присмотрелся к оратору. У крикуна патлы до плеч, борода из мочалки, краснощёкая напояженная физиономия. Так это же один из кандидатов, точнее, одна из голов Змея Горыныча. А сам Змей, видать, в раздевалке прячется.

– Как же ты вперёд меня поспел? – недовольно пробурчал Лукич. – Резвы ты, однако.

– Он хочет возвращения мрачных времён! – продолжала вопить Змеиня голова. – Он всех нас погубит! Вот он, злодей! У входа притаился!

Тысяча суровых, мрачных лиц повернулась в сторону Лукича.

– Да что вы, братцы, – воскликнул Лукич, – врёт он! Я урну вам же для голосования и нёс!

В голосе его чувствовалась растерянность.

– А ещё он хочет возродить культ проклятого Змея! – подлила масла в огонь Горынычева голова. – Граждане, гляньте – у него череп Змеюки проклятого. Кумира, божка себе изыскал и нас всех на поганые мощи молиться заставит.

– Да ты что, – заволновался Лукич. – Сам же мне этот череп подсунул, а теперь вон что запел. Братцы, это не кандидат никакой. Это сам Змей Горыныч и есть.

– Врёт собака!!! – неистово замотал головой кандидат, закрутил, как мельница, руками, подпрыгнул так высоко, что даже Лукич с довольно приличного расстояния заметил, что и руки и ноги у кандидата на месте.

А ни длинной шеи, ни хвоста нет. Точнее, хвост есть, только не змеинный – зелёный и чешуйчатый, а лисий – рыжий.

– Лохматый, – ахнул Лукич.

– Граждане, – не унимался загримированный агент Горыныча, – а посмотрите, во что у него череп обёрнут. Это же рубаха Ваньки-Дурака. Ванькиной же кровушкой обагрена. И с дырою от ножа на груди. Он Ваньку нашего и убил!!!

От такого неслыханного обвинения Лукич смутился. Пока он размышлял над ответом, группа болотников схватила его. Урна и череп были вырваны из его рук. Один из болотников в доказательство правдивости слов кандидата-оратора на всеобщее обозрение высоко поднял мёртвую голову Змея. А другой – ветошь, которая действительно походила на старую драную рубашку, испачканную чем-то багровым.

– Дело ясное! – надрывно выкрикнул лохматый. – И урна уворованная при нём, и мощи сатанинские, и рубище убиенного Ваньки! Бейте его!!!

Толпа рассерженной, растревоженной волной качнулась к Лукичу, накрыла его и погребла под собой. Но, перед тем как упасть, Лукич успел заметить, как в коридоре показались три головы младшего Горыныча, а в зал аккуратно просунулась его чешуйчатая лапа, уцепилась за урну и тихонько выволокла её вон.

Биться с толпой в одиночку – дело бесполезное и крайне ущербное для здоровья. Умудрённый многолетним опытом жизни, Лукич помнил об этом. А посему поначалу оказывать сопротивление разъярённым избирателям не собирался. Но, сообразив, что Андроний Всеславович за пропажу урны и срыв выборов уж точно его не похвалит, решил сопротивление толпе оказать и урну у коварного Горыныча изъять. Доказывая все преимущества существа теплокровного, вооружённого поперечно-полосатой мускулатурой, Лукич хотя с трудом, но поднялся на ноги и поднял над собой целый стог атаковавших его водяных, домовых и болотных. Аккуратно уложив груды избирательских тел на пол, а особо настырным влепив по затрещине, Лукич вырвался в коридор и пустился в погоню за Горынычем.

Но не успел он одолеть и половины расстояния до актового зала, как из одного учебного класса послышался громкий стон. Лукич остановился, приоткрыл дверь и осторожно заглянул в класс.

Из-под ближней к двери парты торчала пара чьих-то ног. Ноги были обёрнуты в грязные онучи, на которых виднелись обильные следы крови. Лукич ахнул и, ухватив раненого за лодыжки, аккуратно выволок его из-под парты.

Незнакомец и одёжкой, и лицом своим был грязен и чёрен необыкновенно, будто в печном дымоходе побывал. Но не грязь взволновала Лукича, а большое кровавое пятно, поверх черноты разлившееся по драной косово-

ротке незнакомца. Кровь была и на полу. Широкой багровой полосой протянулась она из-под парты следом за раненым.

— Эй, — позвал Лукич, — ты живой?

На оклик Лукича незнакомец тут же открыл глаза.

— Пока живой, — простонал он. — Змей проклятый меня ножом пырнул, когда я за ним вдогон пустился и урну вернуть хотел.

— Ой, беда, беда, — запричитал Лукич, — жалко — я во врачевании не силён.

Погоди, сейчас до учительской добегу. Там телефон — скорую помощь вызову.

Но раненый покачал головой и твёрдо произнёс:

— Не время лечиться. Нужно Горыныча найти и выборы народу вернуть.

Зажав ладонью раненую грудь, незнакомец поднялся.

— Ты герой, — с уважением воскликнул Лукич. — Как звать тебя?

— Моя гражданская позиция — не быть равнодушным, — бодро произнёс раненый, — а зовут меня Ванька-Дурак.

— Как, неужели ты и есть!? Тебя же там все обыскались.

— Я знаю, — кивнул Ванька, — народ ценит меня и любит. А я социальную справедливость люблю, за что постоянно и страдаю. Ты, Лукич, в актовом зале Горыныча искать собрался. Он в подвале спрятался и урну туда уволок.

— Хм, — Лукич поскрёб колючую щёку, пробитую жёсткой седой щетиной, — тогда пойдём в подвал.

Увлечённый погоней, он не задумался, откуда этот новоявленный Ванька знает, как его, Лукича, зовут.

Подвал занимал собой почти ту же площадь, что и наземная часть школы. В подвале находились водопроводные стояки, отопительный котёл, склад угля для котла и овощехранилище для школьных обедов. Вход в подвал представлял квадратное отверстие в полу, накрытое деревянной крышкой. Сверху вниз совершенно отвесно вела железная лестница.

— Там он, — на ухо Лукичу зашептал Ванька, указывая на вход в подполье.

Лукич с усилием откинул в сторону крышку, склонился, заглядывая в подземные владения школы. Темно в подвале — хоть глаз выколи. Единственное, что абсолютно точно сумел определить Лукич, так это то, что ведущая вниз лестница куда-то пропала.

— Эй, Ваня, — не отводя глаз от чёрной ниши под ногами, проговорил Лукич, — щёлкни там рубильник на стене — свет в подвале включить надо.

Но вместо света Лукич вдруг получил толчок в спину такой силы, что не удержался на ногах и рухнул в подвал. Хорошо — шею не сломал, а только зашиб голову и плечи. Хорошенько выматерившись и таким образом облегчив страдания от лобового столкновения с подвальным полом, Лукич встал на ноги. Причина падения всё ещё оставалась для него загадкой.

— Ваня-я-я, — растерянно и глухо позвал он, — руку подай, вылезти помоги отсюда.

Ответа не последовало. Зато почти сразу за его словами вверху в светлом квадратном проёме входа в подпол появились четыре головы. Одна Ванькина и три Змея Горыныча.

— Попался, — злобно процедил Змей, — будешь знать, как мешать свободному волеизъявлению моих граждан.

Ванька осклабился, блеснул крепкими жёлтыми зубами и подобострастно взглянул на Змея Горыныча.

— Иди — умойся, — прикрикнул на него Змей, — и водички с собою прихвати. Погорячее!

Ванька пропал.

— Это он тебя толкнул, — снова обращаясь к Лукичу, произнёс Змей, — по моему приказу.

— Догадался уже, — крикнул Лукич.

— Вот что, — продолжил Змей, — урна у нас, но подготовленные избирательские бюллетени в кабинете у директора остались. Помнишь — ты моего агента спугнул, он листы рассыпал. Так они там и лежат. Давай мне сейчас ключ от директорского кабинета. Ведь ты его, уходя, запер. А мы без ключа туда попасть никак не можем.

— Никакого ключа я тебе не дам, — спокойно произнёс Лукич, — и подожди — вылезу отсюда, поймаю, все три твои морды начишу.

Горыныч захихикал:

— А ты сперва вылези.

Раздался шум чых-то быстрых шагов. В подвал вновь заглянул Ванька. На этот раз его физиономия была чисто вымыта от сажи и красной краски, которую он выдавал за собственную кровь. Завидев его, Лукич чёрта помянул. Никакой это был не Ванька, а уже знакомый агент Горыныча — лохматый. Выходило, что Лукич уже второй раз ошибался, принимая хитрюгу лохматого за другую личность.

— Принёс? — спросил Горыныч у лохматого.

— Да, принёс.

— Отдашь ключ? — снова обращаясь к Лукичу и глубоко опуская вниз рассерженные головы, прорычал Горыныч.

— Не дам, — отрезал Лукич и, немного подумав, добавил: — У меня здесь ещё одна лестница припрятана на всякий аварийный случай. Сейчас я за ней схожу, вылезу и тогда...

— Шпарь его!!! — истошно завопил Горыныч.

Как видно, известие о спрятанной лестнице очень не понравилось ему.

Лохматый выхватил из-за спины принесённый с собой чайник с кипятком и одним махом выплеснул его на Лукича. Он вскрикнул от нестерпимой боли и, обхватив обваренные бока, волчком закрутился на месте.

Горыныч довольно потёр пухлые ладошки. Чувство безнаказанности опьянило его, и, потеряв бдительность, он слишком низко опустил свои го-

ловы в подвал. Очень уж хотелось ему поближе посмотреть на перекошенное от боли лицо Лукича.

— Что, козёл старый, получил на орехи, — ухмыльнулся Горыныч, — гляди, сейчас ещё добавим, если ключ не отдашь.

Но лучше бы он молчал. Разъярённый Лукич собрал все свои силы и, высоко подпрыгнув, схватил Горыныча за одну из свисающих вниз длинных гусиных шей. Схватил и рванул на себя.

Если бы Горыныч там наверху успел ухватиться за какой-нибудь выступ или же упереться лапами в пол, то Лукич попросту оторвал бы ему одну из голов. Но ничего подобного не произошло. Горыныч плюхнулся в подвал, как куль с песком.

Хотя и была атака Лукича неожиданной крайне, а последующее за ней падение ещё менее ожидаемым, Горыныч всё ж таки заранее подготовил себя к подобному повороту событий. Он заменил соболью шубу на надёжную золотую кольчугу и запасся парой длинных булатных ножей. Ну и, конечно же, упав, разлёживаться не стал, а довольно резво подскочил, выхватил ножи и, целясь одним Лукичу в грудь, а вторым в горло, кинулся в атаку.

Схватка вышла короткой, яростной и кровавой. Горыныч нанёс Лукичу несколько глубоких колотых ран, но этим только ещё сильнее разъярил старого школьного сторожа. Менее чем через минуту один нож, выбитый ловким ударом, канул куда-то в подвальную темноту, а второй, вырванный из лап Горыныча, оказался уже в руках самого Лукича. И тут сторож разделался с гадом, как повар с картошкой. Одним махом он отсёк сразу три Змеиные головы, которые, подобно мячам, поскакали в разные стороны. А обезглавленное тело замерло, бестолково зашевелило культиями длинных шей и упало, как подкошенный репейник.

Лукич глубоко и судорожно вздохнул. Отступил назад, стараясь не замочить ног в луже зелёной крови.

И тут привиделось ему странное. Будто на обрубках шей, словно почки на вербе, начинают распускаться новые головы. Размазывая по лицу горячий пот вперемешку со своей алой человеческой кровью, Лукич протёр глаза. Так и есть — растут новые головушки у поганца. Сторож стиснул зубы, высоко поднял нож и вновь шагнул к змею.

— Не, так у тебя ничего не выйдет, — раздался сверху голос лохматого, — сколько головы ни руби, на их месте новые вылезут. Нужно тулово ему раскроить. Гуляш из него приготовить, фарш котлетный.

В последних словах лохматого слышалась такая ненависть и неприкрытая злоба к своему бывшему хозяину, что даже Лукич содрогнулся.

— Видать, сильно он тебя доконал, — пробурчал Лукич, а вслух произнес: — Опять брешешь или теперь взаправду говоришь?

— Правду, — затряс головой лохматый.

Лукич понимал, что совет ему даёт подлец и первостатейный обманщик, но речи лохматого на этот раз казались не лишёнными смысла.

Сторож покряхтел, повздыхал, стянул со змея золотую кольчугу, поплевал на ладони и, морщась от отвращения, принялся шинковать его, как какой-нибудь кочан капусты, предназначенный для зимней засолки.

Управившись, он заметил, что головы-почки свой рост прекратили и как будто сморщились и завяли.

– Вот так-то лучше, – произнёс Лукич.

Он хотел попросить лохматого принести украденную им и Горынычем лестницу, но лохматый куда-то пропал. Лукич пожал плечами, аккуратно положил на пол булатный нож. Осмотрелся, отыскал второй нож и положил его рядом с первым. Затем, стараясь случайно не столкнуться с какой-нибудь таящейся во мраке преградой, направился за запасной лестницей. Лукич вернулся назад через четверть часа. Установил принесённую лестницу вместо украденной. И тут только заметил кое-какие изменения, произошедшие на месте недавней схватки. Сверху в подвал свисала толстая верёвка, а ещё исчезли ножи. «Верно, лохматый сюда без меня спустился и мои трофеи стянул», – подумал Лукич.

Он неторопливо поднялся наверх и направился в спортзал. Гнева обманутых избирателей он больше не боялся. И в глубине души надеялся, что исправившийся лохматый сам вернёт избирательскую урну народу.

Однако, сделав всего несколько шагов, Лукич был вынужден остановиться. Прямо посреди школьного коридора к дощатому полу одним из тех самых пропавших ножей было приколото чьё-то крохотное уродливое тельце.

Разинув от удивления рот, Лукич склонился над ним и принялся внимательно осматривать. Кроме осмотра, он ничего другого и делать не пытался, ибо пронзённое насквозь существо, без сомнения, было мертво. Величиною заморыш с крупную жабу. Нагое пупырчатое тельце его покрыто бурой слизью и испачкано зелёной кровью. Голова большая, почти одного размера с туловищем. А физиономия знакома... Лукич присмотрелся. Так ведь это же недавно отрубленная левая голова Змея Горыныча. А тельце откуда у головы взялось? И кто в него нож всадил? Ответы на эти вопросы поди – найди. А на выборы спешить надо. Больше не задерживаясь, Лукич продолжил свой путь к спортзалу.

Но почти у самых дверей в зал остановился вновь. К стене вторым ножом был пришиплен ещё один уродец – близнец того первого. На узеньких плечиках уродца болталась правая голова Горыныча...

Широко распахнув дверь, Лукич вошёл в зал. Первым, на кого упал его взгляд, был лохматый. Взобравшись на возвращённую избирателям урну, брызжа слюной и неистово хлеща себя по бокам хвостом, лохматый держал речь:

— Змей обезглавлен, — орал он, — и изрублен на мелкие клочки!!!

Завидев Лукича у входа в зал, лохматый взмахнул рукою и указал на него избирателям:

— Вот он наш герой-освободитель. Прошу тебя подтвердить правдивость моих слов.

— Да, подтверждаю, — нехотя выкрикнул Лукич, — зарубил я Горыныча. Только вот что странно...

Лукич хотел поведать общественности о мёртвых заморышах. Но лохматый не дал ему договорить.

— Слышали, — радостно воскликнул он, — нету больше змеюки поганого! Некому больше нас терзать и мучить, некому голодом нас морить и по крысиным ямам держать! Свобода, братцы! Воля вольная! Гуляй! Веселись!

Лохматый выхватил из кармана старый ржавый подшипник и с хохотом запустил его в окно. Разбитое стекло мелкой блескучей шрапнелью осыпало домовых, дворовых и леших.

— Воля? — в толпе кто-то робко повторил лозунг лохматого.

— Гуляй, веселись, — всё увереннее заметалось над толпой и тут же из идеи облеклось в плоть реального действия.

В окна и лампочки полетели камни и комя земли. В дальнем крае зала вспыхнули какие-то подозрительные огоньки, и в воздухе запахло палёным. Кто-то загорланил разухабистую бранную песню. А на глазах у удивлённого Лукича ободранная шайка то ли водяных, то ли болотных накинулась на упитанного домового, сорвала с него бобровую шапку, сбила с ног и принялась нещадно тузить его.

Наверное, было бы очень странно, если бы, заметив такую «победу» свободомыслия, Лукич вдруг присоединился к ней. Конечно же, произошло совершенно обратное. Степенный и трезвомыслящий школьный сторож сперва оторопел от происходящего, но спустя минуту воскликнул:

— Эй, ребята, хватит баловать!

И кинулся спасать дорогое его сердцу имущество школы, а заодно и жизни, и здоровье тех избирателей, которым запущенная лохматым вакханалия пришлась не по нутру. А таких, надо заметить, в зале оказалось большинство.

Один из избирателей, наверное, самый смелый, даже кинулся помогать Лукичу урезонивать и успокаивать разбушевавшихся соотечественников.

Быстро навёл Лукич в зале порядок. Надавав тумачков и затрещин разбушевавшимся хулиганам, он остановил источаемый из их карманов град мелких камешков и прочего мусора. Он потушил подожжённый чьей-то злодейской рукой угол школы. А блатной безголосый певун со своей гнусной песенкой сам замолчал.

– У-ух, управились, – довольно вздохнул всюду следовавший за Лукичом его добровольный помощник.

Толку в наведении порядка от помощника не было никакого, и в суматохе всеобщей свары Лукич только теперь обратил на него внимание.

Был помощник тщедушен и низкоросл. Из одежды на нём болтался задрипанный, не по размеру подобранный пиджак и широкие подвёрнутые брюки. Помощник улыбнулся, утёр рукавом с носа соплю и вдруг произнёс:

– Что, Лукич, видел свою хваленую демократию в действии? Сам же первый против неё и попёр. А ведь прежде ещё спорил со мной.

– Мы знакомы? – прищурившись, спросил Лукич.

Своего собеседника он не узнавал.

– Ещё бы, – усмехнулся тот и, понизив голос, представился: – Змей Горыныч, точнее, его главная, центровая голова.

– Что-о-о!?! – воскликнул Лукич и сжал кулаки.

– Ты не кипятись, не кипятись, – быстро заговорил Горыныч, – негоже, чтоб два героя на виду у толпы спорили и драку меж собой затевали.

– Как ты в живых остаться сумел? – остывая, проговорил Лукич. – Ведь я же тебе мало что головы отсёк, так ещё и тушу твою змеиную изрубил.

– Тушу изрубил, – кивнул Змей, – а про головы забыл. Понимаешь, природа вложила в меня столько замечательной растительной силы, что если не из тела новые головы, так из голов новые тела выросли. Пока ты в подвале за лестницей ходил, верный лохматый нам верёвку спустил. Мы наверх поднялись. К залу пошли. А по дороге мне одна золотая мысль на ум пришла: те двое, кто вместе со мной, те, кто прежде ближе братьев родных были – головы-то мои, – теперь врагами моими стали, самыми опасными конкурентами в борьбе за власть. Хорошо, я ножи с собою прихватил...

– А лохматый заранее, что ли, обо всём знал?

– Конечно. Он и здесь концерт по моей заявке устроил.

– Провокатор.

– Ещё какой. Две масштабные задачи замыслили мы этой провокацией. И обе с твоей помощью реализовали. Во-первых, мы выявили всех прохвостов и диссидентов, всех, кто на клич моего агента откликнулся. А во-вторых, наши с тобой рейтинги храбрецов, даровавших народу покой и стабильность, необыкновенно, я бы сказал сказочно, возросли.

– Ну и гад же ты! – со злостью процедил Лукич. – Сейчас откручу я тебе голову. Как яйцо куриное раздавлю. Чтоб духу твоего здесь не было.

Горыныч отшатнулся от Лукича, но не побежал. А отвернул ворот у своего широченного пиджака и прошипел:

– Три головы откручивать придётся, гляди не притомись.

На его плечах виднелись ещё две крохотные, зародышевые головки.

– Запомни, человек, – запахнув пиджак, продолжал шипеть Змей, – здесь и сейчас есть два героя, которым любой из этого телячьего стада за ве-

ликую честь почтёт подошвы лизать. Но твоё время ушло. Ты не опасен мне больше. Наступило утро. Ты уходишь, а я остаюсь. Просыпайся, просыпайся, Лукич.

Последние слова Змей произнёс густым и тяжёлым басом.

Лукич открыл глаза и обнаружил себя сидящим на стуле в кабинете директора. Грудь, руки и голова его покоились на урне для голосований. Рядом с ним стоял мэр их города Андроний Всеславович Столетов и, слегка потряхивая за плечо, повторял:

– Просыпайся, просыпайся, Лукич. До выборов меньше часа осталось. За спиной мэра виднелось ещё несколько ответственных работников.

Хрустнув старыми костями, Лукич распрямил спину и удивлённо уставился на мэра.

– А где Змей, как его... Горыныч? И где избиратели все?

Столетов нахмурился.

– Тьфу, то ж приснилось мне, – ахнул Лукич.

– Бывает, – степенно ухмыльнулся Столетов и, указав своим помощникам на урну, молвил: – Ребята, берите ёмкость и незамедлительно до места назначения. Выборы на носу.

Проводив взглядом ответственных работников, Лукич облегчённо вздохнул и сладко потянулся со сна. Радоваться было чему. Урну он не проворонил и выборы не проспал.